

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 167-180.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
Vol. no.3 (114). P. 167-180.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 343.985

«УГРОЗОНОСИТЕЛЬ» КАК СУБЪЕКТ ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ГЕНДЕРНАЯ И ВОЗРАСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Замылин Евгений Иванович, Волгоградская академия МВД России, Волгоград,
Российская Федерация, efrommm@mail.ru

Введение. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений следует рассматривать не иначе как реакцию криминальной среды на деятельность правоохранительных органов с широким использованием различных механизмов; в качестве таковых представим физическое и психическое насилие в отношении добросовестных участников уголовного процесса. Проявление насилия не ограничено гендерной и возрастной составляющей, в данном процессе наряду с мужчинами активно участвуют женщины и несовершеннолетние. Как следствие посткриминального воздействия, в ходе расследования довольно распространенными явлениями становятся дача ложных показаний, изменение ранее данных достоверных показаний, отказ от дачи показаний различной категории участников расследования, независимо от процессуального положения.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные публикации и судебная практика. Исследование опиралось на всеобщий метод познания явлений и процессов объективной действительности, отражающий диалектическую взаимосвязь теории и практики. Применялись частно-научные методы: анализ и синтез, сравнительно-правовой и историко-правовой, конкретно-социологический (интервьюирование, изучение уголовных дел); использовались положения конфликтологии.

Результаты исследования. Основу психологического портрета «угрозоносителя», независимо от пола и возраста, составляют мотивация противоправных действий, смысл и назначение противодействия. Анализ психологических качеств личности позволяет следователю предвосхищать его поведенческую установку, моделировать следственную ситуацию на перспективу.

Выводы и заключения. Жизнь, здоровье являются не только биологическими основами существования, но и непреходящими социальными ценностями, поэтому, вовлекая человека в процесс расследования, государство обязано гарантировать конституционное право личности на безопасность. Манипуляция в ходе расследования поведенческими установками законопослушных граждан посредством неправомерного воздействия формирует их недоверие к деятельности государственно-властных структур, нежелание сотрудничать с ними.

Ключевые слова: противодействие расследованию, посткриминальное воздействие, угрозоноситель, физическое насилие, психическое насилие, участники уголовного процесса, психологический портрет.

Для цитирования: Замылин Е. И. «Угрозоноситель» как субъект посткриминального воздействия на стадии предварительного расследования: гендерная и возрастная составляющая // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 167-180.

5.1.4. Criminal-legal sciences (legal sciences)

Original article

«THREAT CARRIER» AS A SUBJECT OF POST-CRIMINAL INFLUENCE AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION: GENDER AND AGE COMPONENTS

Evgeny I. Zamylin, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russian Federation, Volgograd, Russian Federation, efrommm@mail.ru

Introduction. Opposition to the disclosure and investigation of crimes should be viewed as a reaction of the criminal environment to the activities of law enforcement agencies, employing a wide range of mechanisms. Among these mechanisms are acts of physical and psychological violence against bona fide participants in the criminal process. The manifestation of such violence is not limited by gender or age—women and minors, alongside men, are actively involved in this process. As a consequence of post-criminal influence, it is common during investigations to encounter false testimony, retractions of previously given truthful statements, or outright refusal to testify by various categories of participants, regardless of their procedural status.

Materials and Methods. The study is based on scholarly publications and judicial practice. It relies on the universal method of comprehending phenomena and processes of objective reality, reflecting the dialectical interconnection between theory and practice. The research employs special scientific methods, including analysis and synthesis, comparative-legal and historical-legal methods, as well as specific sociological methods (interviews, study of criminal cases). Theoretical foundations of conflictology were also used.

The Results of the Study. The psychological profile of a “threat carrier,” regardless of gender and age, is primarily determined by the motivation for unlawful actions and the purpose and meaning of the opposition. Analysis of the psychological characteristics of the individual allows the investigator to anticipate their behavioral stance and model investigative scenarios for the future.

Findings and Conclusions. Life and health are not only biological foundations of existence but also enduring social values. Therefore, when a person is involved in the investigation process, the state is obliged to guarantee the constitutional right to personal safety. Manipulation of law-abiding citizens’ behavior through unlawful influence during investigations fosters distrust in state institutions and a reluctance to cooperate with them.

Keywords: opposition to investigation, post-criminal influence, threat carrier, physical violence, psychological violence, participants in criminal proceedings, psychological profile.

For citation: Zamylin E. I. «Ugrozonositel'» kak sub"ekt postkriminal'nogo vozdejstviya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: gendernaya i vozrastnaya sostavlyayushchaya [«Threat Carrier» as a Subject of Post-Criminal Influence at the Stage of Preliminary Investigation: Gender and Age Components]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institut MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114). Pp. 167-180.

Угрозоноситель – субъект посткriminal'ного воздействия – оказывает противоправное посягательство на участников уголовного судопроизводства, судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, их близких.

Периоду социально-экономических и политических преобразований в обществе характерен скачкообразный рост количества совершаемых преступлений; не стала исключением и наша страна. Заметную роль в этом сыграли снижение уровня жизни населения, утрата государством позиций в сфере идеологического регулирования, падение нравственных устоев, разработка и принятие основополагающих законов без учета существующих реалий реформируемого общества и пр. Трансформация в существующем порядке различных сфер общественной жизни на рубеже веков предопределила кардинальные изменения в структуре противоправных проявлений.

Сложившаяся ситуация сказалась и на процессе производства по уголовным делам: раскрытие и расследование уголовно наказуемых деяний все чаще стали сопровождаться активным противодействием со стороны лиц, заинтересованных в неблагоприятном исходе по делу. Сами способы противодействия расследованию преступлений претерпели качественное изменение: наряду с традиционными получили распространение действия, которые ранее не носили столь массового, демонстративного характера (например, использование СМИ, похищение потерпевших, членов их семей, лишение жизни лиц, вовлеченных в процесс расследования, «по заказу» и пр.). Принимая активный, наступательный характер, противодействие все чаще реализуется в виде одной из своих форм – неправомерного воздействия на добросовестных участников уголовного судопроизводства посредством психического и физического насилия. В основном оно фигурирует при расследовании преступлений, которые относятся к категории тяжких и особо тяжких (почти 94 %), 87,8 % из них совершаются в группе¹. Как таковое, это выявило неготовность правоохранительных органов к их преодолению, низкий уровень «адаптации» к борьбе с преступностью в новых условиях, а порой и некомпетентность.

¹ В процессе проведенного исследования по специально разработанной программе нами были изучены и проанализированы 428 уголовных дел (524 эпизода), возбужденных и оконченных производством по ст. 307, 308 и 309 УК РФ в 11 регионах России. Суммарное соотношение данных, полученных в ходе обобщения эмпирического материала, иногда превышает 100%. Это можно объяснить отчасти тем, что при изучении уголовных дел были выявлены факты, когда в качестве угрозоносителей по одному уголовному делу выступали одновременно, например, и лица, привлекаемые в качестве обвиняемых, и их близкие, и др., а неправомерное воздействие не ограничивалось одной формой и т.д.

В результате подобных противоправных проявлений остро встает вопрос о доказательственной базе как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства: довольно распространенными явлениями становятся дача заведомо ложных показаний, изменение ранее данных достоверных показаний, отказ от дачи показаний различной категории лиц, вовлеченных в процесс расследования, независимо от их процессуального положения. Это не только подозреваемые и обвиняемые, традиционно противодействующие установлению истины по делу, но и свидетели-очевидцы происшедшего, которые, как правило, не имеют личного интереса в исходе дела, и даже жертвы противоправного деяния, признанные потерпевшими по уголовному делу.

Изложенное в совокупности, на фоне правового нигилизма, можно отнести к первопричине процесса формирования особой категории лиц – «субъекты посткриминального воздействия» или, так называемые, «угрозоносители». Касаясь данной проблемы, следует в обязательном порядке принять за правило исследование их психологического облика, соотносить мотивацию противоправных проявлений со стороны субъекта противодействия и результаты («эффективность») их реализации, где безопасность и благополучие добросовестных участников уголовного судопроизводства поставлены под сомнение. Особое место в формировании асоциального, постпреступного поведения занимает уголовная субкультура, в том числе, такие ее черты, как жажда наживы, привычка решать спорные вопросы методами физического, психического насилия, крайняя форма эгоизма, игнорирование норм морали и правил поведения в обществе и пр. При довольно высокой степени антиобщественной направленности им свойственно крайне негативное отношение к правоохранительным органам в целом и лицам, содействующим направлению уголовного судопроизводства, в частности.

Необходимость в сведениях о субъекте противодействия не ограничивается фактом выявления противоправных действий в данном контексте и установления личности самого угрозоносителя. Его характерные психологические особенности и отклонения от общепризнанных норм поведения в обществе надо признать незаменимой составляющей в выборе приоритетных направлений производства по уголовному делу. Как результат анализа психологических качеств субъекта посткриминального воздействия, профессионально значимые качества следователя, в производстве которого находится уголовное дело, позволяют ему предвосхищать поведенческую установку данного фигуранта, прогнозировать действия последнего как ответную реакцию на активную позицию лиц, изображающих его или того, в чьих интересах он действует, моделировать складывающуюся в процессе расследования ситуацию на перспективу.

В свое время нами была разработана «идеальная модель» действий источника угрозы при реализации намерений посткриминального характера². За основу его действий по выбору способа противоправных посягательств в отношении добросовестного участника уголовного процесса как потенциальной жертвы, были

² Замылин Е.И. «Идеальная модель» действий источника угрозы при реализации намерений посткриминального характера // Юристъ-Правоведъ. № 1. 2013. С. 53-57.

определенены его уязвимость, восприимчивость к тем или иным методам воздействия, целевыми установками носителя угрозы и пр. Неправомерное воздействие осуществляется вначале, как правило, посредством уговоров, часто с предложением «взаимовыгодных услуг». В случае несогласия к участникам уголовного судопроизводства применяются иные способы воздействия (в своей основе, два и более), варьируя порой, казалось бы, диаметрально противоположными методами: это как предложения материальных выгод, так и, в случае отказа, угроза уничтожением и уничтожение имущества; уговоры, просьбы, в противном случае, физическое насилие; и пр.

Так, если взять за основу ненасильственное воздействие, то важнейшей его психологической составляющей выступает выбор объекта: учитываются не только его социальные установки, ценностные ориентации, но и подверженность состраданию, сопереживанию; воздействие ориентировано не на рассудок, а на эмоциональную сферу. Иногда субъекты посткриминального воздействия, не прибегая к насилию, достигают не меньшего эффекта, используя невербальные средства общения. Здесь делается расчет на восприятии действительности в негативе, что самым непосредственным образом оказывается на душевном равновесии, спокойствии жертвы воздействия. Вполне естественно, как было сказано выше, воздействие не ограничивается «ненасильственным фактором»; налицо со стороны носителя угрозы психическое и физическое насилие, которые сводятся к подавлению воли той или иной жертвы, оказывая существенное влияние на ее поступки и волеизъявление, что в итоге выступает гарантом достижения преступного результата.

Способность достигать поставленных целей посткриминального характера с максимальной эффективностью априори предрешена количественным и «качественным» составом лиц, осуществляющих данную противоправную деятельность. В то же время считаем, что довольно категоричные выводы о противодействии расследованию лишь со сторон лиц из числа соучастников преступных посягательств, членов организованных преступных групп [1, с. 35], не совсем корректны. Признавая, что данное направление противоправной деятельности является неотъемлемой формой активности преступных групп, нельзя отрицать тот факт, что оно присуще и преступникам-одиночкам (каждый 10–11 случай вмешательства в процедуру отправления уголовного судопроизводства), которые могут оказывать довольно эффективное противодействие.

В зависимости от совокупности конкретных условий и обстоятельств, сопровождающих процесс производства по делу, неправомерное воздействие, как одно из направлений по достижению целей и удовлетворению частных потребностей отдельных индивидов, находит отражение в деятельности довольно широкого круга лиц, надо признать, часть из которых дистанцированы от совершенного деяния, не имея представления ни о мотивах преступления, ни о лицах, участвующих в его совершении, ни о его последствиях и пр. Соответственно, в качестве таковых выступают, как подследственные, в своей основе, из числа лиц, совершивших тяжкое преступление (58,3 %), их близкие (41 %), соучастники преступной деятельности, как находящиеся в розыске, так и не установленные или не задержанные, а также те, к кому

применена мера пресечения, не связанная с лишением свободы (26,4 %), так и лица, злоупотребляющие государственной властью с целью получения личной выгоды (3,3 %), иные индивиды, вовлеченные в данный процесс посредством «материального стимулирования», уговоров, обмана, «взятия на слабо» и пр. (9 %).

Если взять в целом, то психическое и физическое давление на участников уголовного судопроизводства, как форма противодействия расследованию, осуществляется, как правило, мужчинами; взять хотя бы за основу их физические данные. Мы уже говорили, что установка на противодействие расследованию присуща преступным группировкам; входя в их состав, индивид осознает и готов принимать последствия не только своего выбора, но и решение своего окружения, отвечать за свои поступки применительно к внутригрупповым интересам. Как правило, при данном раскладе налицо проявление конформизма в виде жесткой зависимости от соответствующей социальной среды, когда ответственность перед обществом заменяется ответственностью перед группой. Применительно к данной категории лиц, особенно тем, что были ранее судимы, практика свидетельствует о наличии у них не только познаний в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, но и представлений о специфических методах работы оперативно-розыскных аппаратов и следственных подразделений. В этом проявляется своеобразная закономерность достижения ожидаемого результата, эффективности в противодействии установлению истины по делу.

Но нельзя за пределами исследования оставлять и женщин, немалая роль в этом процессе отведена именно им. Здесь, как нельзя кстати, ремарка из работы представителей пензенской научной школы Г. И. Молева и М. С. Анисимовой относительно того, что интерес к феномену женской преступности как самостоятельному объекту исследования имеет глубокие исторические корни, но долгое время он носил философский, публицистический, морально-нравственный подтекст, продиктованный социальным положением женщины в обществе и ее ролью в системе общественных отношений [2, с. 100]. Еще Поль Лафарг, французский экономист и политический деятель, в середине XIX века признавал, что женщина совершает меньше преступлений не благодаря ее более высокому нравственному уровню, а применительно к ее положению: ее силы слабее и сфера действий уже [3, с. 156]. При этом женщины обладают целым рядом психологических, физиологических и социальных качеств, которых лишены мужчины. Все это в итоге, будучи соотнесено с уровнем нравственности в обществе (а именно: его падением), на фоне отсутствия стремления к объективному осмыслению своих противоправных деяний, их критической оценки с позиции моральных норм и нравственных ориентиров, присущих социуму, и формирует их преступный умысел.

В ходе посткриминального воздействия на лиц, сотрудничающих со следствием, за редким исключением, женщины выполняют второстепенную роль, выступая в качестве своеобразного передаточного звена. Это: уговоры (82 %), подкуп (63 %), распространение порочащих слухов-сплетен (72 %), сбор сведений об объекте посткриминального воздействия (52 %), воздействие на психику жертвы посредством словесных угроз (21 %) и пр. Физическое насилие с их стороны, когда востребованы

соответствующие внешние данные, грубая сила, осуществляется, как правило, в составе группы или в отношении представительниц «слабого пола» и составляет не более 7 %.

При всех эпитетах, которыми вполне заслужено и уместно возвеличена женщина и «возведена на пьедестал» в истории человечества – «любящая мать», «заботливая жена», «хранительница очага», «духовный стержень семьи» и пр., надо признать, что с изменением общественных нравов данные понятия обесценились. В свое время еще классики марксизма-ленинизма отмечали, что «бытие определяет сознание». Поэтому, акцентируя внимание на базовых ценностях человека, признаем, что окружающий мир диктует соответствующее поведение, предопределяют становление, формирует психику индивида, при том, что женская психика более восприимчивая к воздействиям окружающей среды. Это неоспоримый, доказанный факт. Но одновременно довольно трудно отрицать и то, что выбор способа неправомерного воздействия на жертву со стороны женщины и его реализация, как комплекс действий и процессов, зависит не только от обстановки и среды, в которой она пребывала или находится в данный момент времени. С нашей стороны было бы грубейшим недочетом самоустраниться от того, что данный процесс, кроме прочего, во многом обусловлен и врожденными генетическими наклонностями женщины. Думаем, здесь уместно привести известное заключение З. Фрейда, согласно которому не существует структуры инстинктов вне исторической структуры [4, с. 162], то есть, как мы понимаем, инстинкт, еще заложенный в эмбрионе, и опыт последующего пребывания человека в социуме (в их неразрывном соединении) – заложены в основу той или иной жизненной установки индивида.

В настоящее время, как следствие разрушения сложившихся стереотипов и ценностей общества, сочетание у женщины таких качеств личности, как лидерские способности, находчивость, инициатива, нестандартность мышления и пр. на фоне крайней степени жестокости, мстительности, хитрости при превалировании их над личностными качествами, которые свойственны мужчинам из их окружения, «обеспечивает» вхождение в руководящее ядро преступных группировок. Подобные проявления морально-психологических черт личности женщин-преступниц в конкретных обстоятельствах порой выполняют функцию самоутверждения, стремления к приобретению признания со стороны определенного «микромира». По мнению профессора Ю.М. Антоняна, этот фактор, существенно влияя на образ жизни преступницы, становится мощным стимулом ее поступков, выходит за грани стремления просто нравиться мужчинам или выглядеть лучше других женщин-соперниц. Это потребность в подтверждении, как бы в фиксации своего существования, бытия, места в жизни в целом [5, с. 81].

Признано, что совершаемые женщинами уголовно наказуемые деяния имеют четко выраженную мотивационную направленность, а сами они упорнее и активнее мужчин. Исследования в области психологии показали, что женщины в своем фанатизме даже превосходят лиц противоположного пола [6, с. 46], а все возрастающий индекс отсутствия у них склонности к самоанализу и самоконтролю вызывает вполне обоснованное беспокойство: более чем у четверти женщин (28,5 %) при совершении

преступлений просматривается усиление агрессивности, жестокости и цинизма [7, с. 147].

Снова обращаясь к практике совершения уголовно наказуемых деяний в рамках исследуемой нами тематики, следует признать, что, несмотря на гендерные признаки, которые женщина получила в ходе социализации, проявление жестокости с ее стороны, как патологического состояния человеческой психики, на момент реализации действий посткриминального характера порой «зашкаливает». Глумление над жертвами, их истязания не поддаются разумному осмыслению; в практике совершения уголовно наказуемых деяний есть случаи, когда крайняя жестокость граничит с ничем необоснованным садизмом. Подобные проявления со стороны женщины не столь часты, но, как это ни странно, все же имеют место и, что характерно, стимулом для этого является ситуация, когда под угрозу поставлено ее личное благополучие, как семейное, так и материальное, а также возможность утраты социального статуса, пользования теми или иными благами.

Думаем, здесь уместен будет пример из практики. Так, в ходе расследования целого ряда разбойных нападений на фермеров, совершившихся на протяжении 3 лет, была задержана организованная группа из 11 человек (в уголовном деле было более двух десятков эпизодов). Находясь в СИЗО, обвиняемые изыскали возможность передать «на волю» информацию о лицах, изобличающих их в совершенном. Приняв это в качестве руководства к действию, сожительница лидера группировки М. организовала и возглавила группу из 4 человек (мужчин) по устрашению лиц, сотрудничающих со следствием. При ее активном участии, не ограничиваясь психическим насилием, были нанесены телесные повреждения 4 потерпевшим и 3 свидетелям, проходящим по делу, один из которых стал инвалидом, а домовладения и хозяйственные постройки еще нескольких участников процесса были подожжены в ночное время, несмотря на то, что в жилище кроме взрослых, находились малолетние дети (угрозоносители знали об этом). В ходе противоправных действий М. непосредственно сама совершала физическое насилие в отношении жертв, демонстративно, в присутствии их близких; основные ее требования – изменить ранее данные достоверные показания в отношении обвиняемых, что отчасти и было достигнуто. Получая консультации от защитников-адвокатов, М. разрабатывала сценарии поведения на следствии и в суде фигурантов по делу, ранее сотрудничающих со следствием. Даже когда М. и другие участники посткриминального воздействия были задержаны и арестованы, жертвы их насилия, будучи запуганы, отказывались свидетельствовать по делу³.

Взяя за основу изложенное, хотелось бы соотнести отдельные черты, присущие психологическому портрету женщин-угрозоносителей, с той категорией женщин, которые в литературе последних лет определены довольно емко и выразительно: «врожденные преступницы». Так, Е. А. Кранзеева и К. С. Сапегина пришли к

³ Данный пример нами был получен в ходе интервьюирования практических работников на момент сбора эмпирического материала при подготовке монографии; в устной беседе на него, как пример из собственной судебной деятельности, сослался судья Верховного суда Республики Башкортостан Ф.

заключению, что врожденные преступники по антропологическим и психологическим характеристикам похожи больше на мужчин, чем на женщин. Им присущи такие мужские черты, как мужество, энергия, тяга к употреблению спиртного и др.; они обладают интеллектуальными способностями выше среднего. Зачастую главным мотивом совершения преступлений выступает месть [8, с. 177].

Если взять за основу числовое соотношение носителей угрозы, занимающихся организацией и реализацией преступного посягательства в отношении добросовестных участников уголовно-процессуальных отношений, то женщины, вступая в противоречия с интересами правосудия, оказывают психическое и физическое насилие лишь в отношении каждой 15-16 жертвы. При всем этом способность женщин-организаторов достигать желаемых результатов с наименьшими затратами времени, усилий и других ресурсов практически в два раза эффективнее по сравнению с той же деятельностью, выполняемой мужчинами. Так лишь каждый 10-11 случай посткриминального воздействия в их исполнении можно признать «нерентабельным», в то время как при организующей роли мужчин каждый 5-6 случай противодействия не достигает поставленной цели. И это не частный случай; изложенное в целом в очередной раз уже в практическом ключе относительно деятельности по реализации умысла на посткриминальное воздействие наглядно свидетельствует не только о возможности действовать наравне с мужчинами, но и о превосходстве их отдельных личностных деловых качеств. Организуемые и «курируемые» женщинами противоправные действия предварительно основательно продуманы до мельчайших деталей, тщательно спланированы и просчитаны, вплоть до негативных последствий и отработки алиби.

Рассматривая вопрос о возрастной составляющей субъектов посткриминального воздействия, можно со всей ответственностью констатировать, что они не имеют ограничения относительно физической зрелости. Превалируют в этом процессе лица в возрасте от 16 до 55 лет (92,5 %), хотя мы обладаем сведениями о том, что в ходе производства по уголовному делу в отношении сбыта синтетических наркотиков группа подростков-цыган 10-12 лет камнями и палками привела в негодность автомобиль понятого по уголовному делу после его допроса в качестве свидетеля. Предварительно он был предупрежден от имени цыганского барона, что поступает «неправильно».

Практически 2/3 противоправных деяний совершаются молодыми людьми «призывного возраста», которые, как правило, составляют костяк организованных преступных групп; их действиям присуща исключительная дерзость в достижении преступного результата. Жажда наживы, получения материального вознаграждения с их стороны играет не последнюю роль, но это не главный аргумент. Позволим себе такую крайне вольную трактовку, ремейк относительно «мощного стимула поступков женщины» и проведем соответствующую параллель: «закрытие вопроса» относительно изобличающих показаний, фигурирующих в ходе расследования, считается одним из проявлений незаурядной предприимчивости молодого человека, которая дает возможность показать себя «в реальном деле», а значит, быть признанным, занять соответствующее место в организованной преступной группе. Чем

не естественная потребность в самоутверждении, если отнести данный фактор применительно к женщинам?

В последнее время стало «актуальным» привлечение для решения подобных проблем лиц несовершеннолетнего возраста; по нашим данным, это порядка 12 % от общего количества преступлений, совершаемых в результате посткриминального воздействия (в диссертации И.А. Бобракова говорится о процентном соотношении в 8,5 [9, с. 146]). В качестве фактора, выступающего катализатором формирования психосоциальных черт, которые присущи «рекрутам» из числа молодых людей, вовлекаемых в процесс противодействия расследованию, при всем многообразии причин и условий, которые изложены нами выше, акцентируем внимание на проникновении преступной субкультуры и традиций в среду молодежи. Именно уголовная субкультура, вред и опасность которой в обществе, особенно для психики и жизненных устремлений молодых людей, «вступающих в жизнь», до настоящего времени не получила должной оценки. На фоне отсутствия идеологических ориентиров, насаждая свои правила и атрибутику, она проникает во все слои населения, прельщая подрастающее поколение уголовной романтикой, красивой жизнью, свободной от обязательств перед обществом, и пр.

Специалистами в области подростковой психологии выявлена характерная закономерность: в несовершеннолетнем возрасте обострена боязнь прослыть слабым, несамостоятельным, что формирует соответствующую потребность самоутверждения среди сверстников, а то и стремление к превосходству, желание быть в центре внимания. В силу повышенной эмоциональной возбудимости, быстрой смены настроения и форм поведения подростки не любят тратить время на раздумья и колебания, а быстро переходят к делу [10, с. 281-282; 11, с. 98; 12, с. 330]. Эти качества умело используются фигурантами, заинтересованными в неблагоприятном исходе расследования по уголовному делу.

Надо признать, что лица, вовлекающие молодых людей в противодействие расследованию, обладают необходимыми познаниями в области подростковой психологии, взяв на вооружение неустойчивость психики последних, незавершенный процесс их социально-психологической адаптации. Расчет здесь точен и до гениальности прост: подростку свойственны безапелляционное осуждение, категоричность, крайне негативное отношение к измене групповым интересам и пр. Именно в этом ракурсе со стороны заинтересованных фигурантов представляется содействие раскрытию и расследованию совершенного уголовно наказуемого деяния, что в целом противоречит чести «правильного пацана», и, соответственно, воспринимается молодыми людьми как предательство, которое не должно оставаться безнаказанным.

Для подростков характерно совершение преступлений данной категории в группе, действуя по принципу «стай». И хотя в целом «группам несовершеннолетних правонарушителей сегодня присуще усиление элементов организованности и профессионализма» [13, с. 20], для субъектов посткриминального воздействия из их числа свойственна, если можно так выражаться, определенная «оригинальность». За редким исключением (1 на 15–16 случаев) действия по запугиванию добросовестных

участников уголовного процесса (если не принимать во внимание выбор уединенного места, отсутствие посторонних лиц) осуществляются без принятия каких-либо мер к осложнению раскрытия и расследования преступлений: подросткам не свойственна предварительная подготовка и распределение ролей, они не пытаются сохранить в тайне свою личность, средства маскировки внешности исключены и пр. Отчасти это обусловлено безразличием к последствиям, осознанием каждым из них, что он часть группы, когда бравада перед окружением притупляет чувство самосохранения. Кроме того, каждый второй из них противодействие расследованию преступления посредством угроз не относит к уголовно наказуемым действиям; совершая данное посягательство, они пребывают в уверенности относительно своей безнаказанности.

Практика свидетельствует, что большинство правонарушений лиц из числа молодежи связано с правовым невежеством и правовым нигилизмом, нравственной и духовной деградацией; зачастую действия посткриминального характера сопровождают жестокость и цинизм. При сборе эмпирического материала нами было выявлено, что при выполнении «заказа» по запугиванию лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений, отмечается довольно большое количество эксцессов исполнителей (практически, каждый третий случай). Совершенные ими действия выходят за пределы соглашения с заказчиком: запугивание довольно часто перерастает в физическую расправу.

Так, в ходе производства по уголовному делу, в котором в качестве обвиняемого за совершение изнасилования проходил несовершеннолетний К., входящий в одно из «дворовых братств» г. Саранска, его сестра пыталась уговорить потерпевшую С. от изобличающих брата показаний. Когда та отказалась идти «на мировую», сестра К. подговорила подростков в возрасте 14-16 лет за определенные «преференции» (она работала учительницей в школе по месту их обучения) запугать С. Однак, «дело» запугиванием не ограничилось: встретив С., возвращавшуюся с ночной смены в подворотне одного из домов, подростки, как следствие примененного физического насилия, сломали ей челюсть и нос⁴.

В итоге, насилие, являясь непременным атрибутом деятельности угрозоносителя, независимо от половой принадлежности и возраста, выявляет такие его психологические особенности, как:

- устойчивая антисоциальная установка;
- вседозволенность, нетерпимость к противодействию;
- неадекватно завышенная самооценка;
- импульсивность поведения;
- низкий уровень самоконтроля, повышенная агрессивность и раздражительность;
- стремление к достижению поставленной цели любыми путями, независимо от средств и методов.

Аксиома в том, что любому из субъектов посткриминального воздействия свойственно оправдание своей противоправной деятельности, приуменьшение вины в

⁴ Уголовное дело № 1-201/12 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия.

инкриминируемом ему деянию; даже при деятельном раскаянии данная категория лиц стремится избежать наказания, соответствующего тяжести совершенного деяния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шапакидзе В. Я. Обеспечение процессуальной безопасности частных лиц в досудебном уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2002. 217 с.
2. Молев Г. И., Анисимова М. С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2020. Т. 8, № 4. С. 99-107.
3. Лафарг П. Преступность во Франции с 1840 по 1886 гг. : исследование ее причин и развития // Проблема преступности : Сборник второй; Серия : Проблемы марксизма / редакция и предисловие Я. С. Розанова. Киев : Государственное издательство Украины, 1924. С. 127-177.
4. Антонян Ю. М. Человек и преступная агрессия. М. : Проспект, 2022. 224 с.
5. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М. : Российское право, 1992. 252 с.
6. Попова С. А. Современная женская преступность : виды, причины, предупреждение // Следователь. 2004. № 1. С. 43-46.
7. Коломытцев Н. А., Одинцова Л. Н. Этика права и проблемы женской преступности в России // Lex Russica. 2018. № 10. С. 146-156.
8. Кранзееева Е. А., Сапегина К. С. Женская преступность как социальное явление : трансформация и деформация социальных ролей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 176-185.
9. Бобраков И. А. Охрана участников уголовного судопроизводства : криминологические и уголовно-правовые основы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2007. 342 с.
10. Психология подростка. Полное руководство / под ред. чл.-корр. РАО А. А. Реана. СПб. : Прайм–ЕВРОЗНАК, 2003. 432 с.
11. Круглянина О. Н. Асоциальное поведение: особенности подростковой агрессии. Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Красноярск : СЮИ МВД России, 2005. Ч.1. С. 96-99.
12. Рыков И. А. Рост количества неформальных групп как фактор преступности несовершеннолетних. Преступность в России : состояние, проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : матер. междунар. науч.-практ. конф. Воронеж : ВИ МВД России, 2008. Ч. 1. С. 329-331.
13. Костина Л. Н. О проблемах психологического обеспечения расследования ОВД групповых преступлений несовершеннолетних. Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности : проблемы и перспективы : матер. науч.-практ. конф. М. : АУ МВД России, 2008. С. 20-25.

REFERENCES

1. Shapakidze V. Ya. *Obespechenie processual'noj bezopasnosti chastnyh lic v dosudebnom ugolovnom proizvodstve* : dis. ... kand. yurid. nauk [Ensuring procedural security of private individuals in pre-trial criminal proceedings : Candidate of Legal Sciences dissertation, specialty]. Volgograd, 2002, 217 p.
2. Molev G. I., Anisimova M. S. *Sostoyanie i tendencii zhenskoj prestupnosti v Rossii na sovremenном etape* [The state and trends of female crime in modern Russia]. Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» – Electronic Scientific Journal «Science. Society. State». 2020, no. 4, pp. 99-107.
3. Lafarg P. *Prestupnost' vo Francii s 1840 po 1886 g.g. : issledovanie ee prichin i razvitiya* [Crime in France from 1840 to 1886: A study of its causes and development] // *Problema prestupnosti : Sbornik vtoroj; Seriya : Problemy marksizma* – In The Problem of Crime: Collection Two; Series: Problems of Marxism]. Kyiv, 1924, pp. 127-177.
4. Antonyan Yu. M. *Chelovek i prestupnaya agressiya* [Man and Criminal Aggression]. Moscow, 2022, 224 p.
5. Antonyan Yu. M. *Prestupnost' sredi zhenshchin* [Crime among Women]. Moscow, 1992, 252 p.
6. Popova S. A. *Sovremennaya zhenskaya prestupnost': vidy, prichiny, preduprezhdenie* [Modern female crime : Types, causes, prevention]. Sledovatel' – Investigator. 2004, no. 1, pp. 43-46.
7. Kolomytcev N. A., Odincova L. N. *Etika prava i problemy zhenskoj prestupnosti v Rossii* [Legal ethics and the problem of female crime in Russia]. Lex Russica – Lex Russica. 2018, no. 10, pp. 146-156.
8. Kranzzeva E. A., Sapegina K. S. *Zhenskaya prestupnost' kak social'noe yavlenie : transformaciya i deformaciya social'nyh rolej* [Female crime as a social phenomenon: Transformation and deformation of social roles]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki – Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2020, vol. 5, no. 2, pp. 176-185.
9. Bobrakov I. A. *Ohrana uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva : kriminologicheskie i ugolovno-pravovye osnovy*: dis. ... d-ra yurid. nauk [Protection of participants in criminal proceedings: Criminological and criminal-legal foundations: Doctor of Legal Sciences dissertation, specialty]. Moscow, 2007, 342 p.
10. Psihologiya podrostka. Polnoe rukovodstvo : pod red. chl.-korr. RAO A. A. Reana [Adolescent Psychology: A Complete Guide Edited by A. A. Rean]. SPb., 2003, 432 p.
11. Kruglyanina O. N. *Asocial'noe povedenie: osobennosti podrostkovoj agressii. Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirsrom regione* : sb. mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Asocial behavior: Features of adolescent aggression. In Topical Issues of Crime Control in the Siberian Region Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnoyarsk, 2005, vol. 1, pp. 96-99.
12. Rykov I. A. *Rost kolichestva neformal'nyh grupp kak faktor prestupnosti nesovershennoletnih. Prestupnost' v Rossii : sostoyanie, problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij* : mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Growth of informal groups

as a factor of juvenile delinquency. In Crime in Russia: Status, Prevention Problems and Crime Detection Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]: Voronezh, 2008, vol. 1, pp. 329-331.

13. Kostina L. N. O problemah psihologicheskogo obespecheniya rassledovaniya OVD gruppovyh prestuplenij nesovershennoletnih. Psihologicheskoe obespechenie pravoohranitel'noj deyatel'nosti : problemy i perspektivy : mater. nauch.-prakt. Konf [On the issues of psychological support in the investigation of group juvenile crimes by internal affairs bodies. In Psychological Support of Law Enforcement Activities: Problems and Prospects. Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Moscow, 2008, pp. 20-25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Замылин Евгений Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики. Волгоградская академия МВД России. 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zamylin Evgeny Ivanovich, Doctor of Legal Sciencesz, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics. Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 400075, 130 Istoricheskaya Str., Volgograd.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 20.06.2025; accepted for publication 25.07.2025.